

7. Ф. 248. Оп. 1. Д. 5087. Л. 190 – 198.
8. Дерябин А. Выведет ли антикризисная программа страну из кризиса // Правда Бурятии. – 1991. – 23 мая.
9. Дерябин А. СССР: закон и рынок // Правда Бурятии. – 1991. – 13 сент.
10. Бадмаев В. Статус республики повышен. Что дальше? Вторая сессия ВС БССР // Правда Бурятии. – 1990. – 10 окт.
11. Ф. 475. Оп. 1. Д. 3440. Л. 94.
12. Ф. 475. Оп. 1. Д. 3443. Л. 168.

В.В. Доржиева

Северный международный университет, г. Магадан

Деятельность Русской православной церкви и брак у коренных малочисленных народов северо-востока России в XVIII – начале XX вв.

V.V. Dorzhieva

Russian Orthodox Church and marriage among native small peoples of the north-east (XVIII - XX)

Крещенные коренные народы северо-востока России стремились к церковному оформлению брака несмотря на то, что по гражданским законам Российской Империи «брак, заключенный между лицами всех вероисповеданий, терпимых в государстве, по обрядам этого исповедания есть брак законный с государственной точки зрения, должен признаваться за таковой и со стороны церкви» [25, с. 320].

Русская православная церковь пришла на Охотское побережье в XVII в. В 1639 г. возводится первая часовня в Охотском остроге, в 1644 г. была построена Спасская часовня в Нижнеколымском остроге – первая на территории северо-востока Азии [20].

Первые шаги в деле крещения местных народов были неоднозначными. С. П. Крашенинников отмечал успех миссии И. Хотунцевского: «...все камчадалы приняли христианскую веру и многие из северных коряков» [21, с. 24]. Известный успех имела миссия церкви и среди юкагиров. Однако «возмущенные» коряки убили проповедовавшего у них Флавиана, а Иннокентий Вениаминов признавал, что «грубая душа коряка остается закрытой для христианского учения» [24, с. 392]. Охотские эвены официально восприняли православие к 1820 г. [26, с. 19].

В 1824 г. с восшествием на престол Николая I миссионерской деятельности Русской православной церкви был обеспечен режим наибольшего благоприятствования. Активная работа РПЦ в сфере обращения коренного населения в христианство отмечается на северо-востоке России и на Аляске. «К 1850 г.

количество отдельных миссий на территории Камчатского епископства выросло с одной до четырех. С 1841 по 1849 г. было окрещено 3246 человек, а общее количество паствы возросло с 16278 до 23130 душ. К 1859 г. в связи с резким расширением епархии и интенсификацией миссионерства миссий стало уже одиннадцать. Из них 3 находились в Америке, 8 – на территории Северо-Восточной Азии, 2 – на Амуре и 2 – в Якутской области» [19, с. 95].

Прославились своей миссионерской деятельностью среди чукчей протоиереи Григорий Слепцов, в 1812 г. посетивший Чаун, Андрей Аргентов, с 1843 по 1858 г. занимавшийся миссионерской деятельностью среди чукчей, выучивший чукотский язык и подолгу живший в чукотских селениях [22, с. 96].

Якуты, эвены, эвенки юкагиры, чуванцы, ительмены к XIX в. были крещены полностью [19, с. 99].

На Охотском побережье в середине XIX в. крещение чукчей было единичным явлением. В 1844 г. в Гижигинской Спасской церкви в христианскую веру было окрещено пять аборигенов – две супружеские пары и один холостяк. Интересна запись в метрической книге в разделе «О крещении в христианскую веру язычников» о мотивах крещения женщин: «Чукчи жена чукмарка Энучина во святом крещении наречена Дария Петрова – по собственному своему желанию (выделено мной. – В. Д.); жена чукмарка Тынена, во святом крещении Мария Иванова, – по убеждению своего мужа приняла крещение» [16].

Полковник А.В. Олсуфьев, обследовавший в 1895 г. Анадырский округ, сообщал: «Обращение чукоч в православие пока не дало никаких ощутительных результатов. Хотя теперь большая часть чукоч Колымского округа и около 700 человек Анадырского считается православными, но сами обращенные остались верными прежним языческим обычаям» [22, с. 95].

Государство регулировало процесс христианизации нерусских народов империи. Предписывался принцип добровольности крещения, а основным методом должна была стать «проповедь и личный пример» [1, с. 92]. В своей деятельности по христианизации населения окраин страны церковь использовала и материальный стимул, наделяя неофитов подарками (чаем, табаком, материей, нательными крестами и проч.). Подобная практика приводила к тому, что участие в таинствах стало восприниматься коренным населением Севера как возможность получить материальную выгоду. В первой четверти XIX в. участник экспедиции П. П. Врангеля Ф.Ф. Матюшкин отмечал: «Многие чукчи крещены, но это не имело никакого дальнейшего влияния: они остаются крещеными язычниками, не понимая собственно духа и смысла христианского учения. Для большей части чукчей крещение составляет только спекуляцию, посредством которой они надеются получить несколько фунтов табаку, медный котел и тому подобные подарки» [2, с. 180].

По церковному праву браковенчание должно совершаться в храме, но с учетом обстоятельств, например в Сибири, где один храм приходился на огромную территорию, епархиальным архиереем могло даваться разрешение на венчание вне храма [25, с. 344]. В метрических книгах Гижигинской Спасской церкви в графе о венчании браков священники делали отметки о том, где было совершено таинство: «в поле», «в юрте», «венчание при походной церкви в поле» [14].

Венчание воспрещалось во время предпасхального поста, а также в среду и пятницу. Венчание воспрещалось совершать вечером, также не допускалось венчание нескольких пар разом [25, с. 344].

Последний запрет – венчать сразу несколько пар – также нарушался действовавшими на Севере священниками. Мы не встретили документов, прямо указывающих на то, что священники проводили обряд венчания «оптом», однако анализ записей метрических книг позволяет сделать подобные

выводы. В 1880 г. 10 июня причтом Гижигинской Спасской церкви было обвенчано пять тунгусских пар [17]. В метрических книгах Гижигинской Спасской церкви за 1882 г. записано, что 29 июня обвенчано 3 тунгусские пары, 30 июня обвенчано 7 тунгусских пар [9]. 17 июля 1888 г. Гижигинский священник обвенчал семь пар [10]. В 1896 г. обвенчано 12 июля 6 тунгусских пар, 14 июня – 7 тунгусских и корякских пар [13]. Таинство венчания – процесс достаточно длительный. Даже если принять во внимание длинный световой день в летний период на высоких широтах, совершение таинства венчания по всем правилам над семью парами друг за другом заняло бы чрезвычайно много времени. Поэтому можно предположить, что над парами, вступающими в брак в один день, венчание производилось совместно.

Заметим попутно, что венчание туземного населения (как и крещение) совершалось не в течение всего года, а, как правило, летом – в июне и июле. Гижигинский уездный начальник в годовом отчете за 1908 г. сообщал, что «в начале июля бывают две ярмарки, куда собираются тунгусы, которые приносят преимущественно белку. На ярмарку собираются как кочующие, так и сидячие инородцы. Обменивают пушнину на товары. Ярмарка продолжается 15 дней. Сюда же приезжает священник совершать требы за весь год» [7]. Записи в метрических книгах о венчании и крещении инородческого населения сделаны в осенне-зимний период носят единичный характер и, вероятно, относятся к оседлому населению. Записи о крещении и венчании русского населения в церкви расположены в метрических книгах приходов Охотского побережья равномерно по всем месяцам.

Венчанию предшествовали обыск и оглашение. Обыск – это расспрос прихожан об известных им препятствиях к заключению брака. Троекратное оглашение – это объявление священником с церковной кафедры прихожанам о планируемом браке в три предшествующих браку воскресных или праздничных дня. В 1802 г. было предписано заводить при церкви особые обыскные книги, а в 1837 г. была составлена и разослана по епархиям утвержденная форма обыска.

Мы уже отмечали, что в условиях Севера допускались некоторые отклонения от церковных правил при совершении таинств. В 1905 г. преосвященный Макарий, епископ Якутский и Вилюйский, обращался в Синод с ходатайством о разрешении совершать вен-

чание инородцев Якутской епархии и в дни поста, обосновывая свою просьбу особенностями быта кочевников. Макарий писал: «местные географические условия жизни якутских инородцев, в районах коих существуют церкви и причты, служат непреодолимым препятствием к выполнению последними требования закона относительно венчания браков в положенные дни. По условиям жизни инородцев причты почти всех церквей епархии выезжают в приходы, разбросанные на сотни и тысячи верст, для исправления христианских треб только один - два раза в год, а в крайние северные округа, как-то: Вилюйский, Верхоянский и Колымский – только один раз. Эти объезды приходов священники совершают большею частию в зимнее время и в дни поста, а в остальное время года прихожане – инородцы остаются без христианских назиданий от своих пастырей. При таких условиях намеревающиеся вступить в законный брак сожительствуют незаконно с последствиями внебрачного деторождения». Святейший Синод удовлетворил это ходатайство с условием, что в дни поста венчания будут проходить лишь в крайних случаях с последующим обоснованием обстоятельств, требовавших неотложности таинства [6].

Были и иные послабления церковного устава, обусловленные спецификой Севера. Было разрешено немного снизить брачный возраст жениха и невесты. Якутская духовная консистория, действуя по Указу ЕИВ, в 1905 г., разрешила по своим приходам циркулярное письмо с указанием, что «принимая к соображению едва одолжимые трудности сообщений духовенства и паствы с Епископом по вопросу о браках, обставленных излишними предосторожностями, предлагаю объявить..., что нужды ради православной паствы много разрешается и благословляется совершать браки без письменного сношения, за пять месяцев до исполнения совершеннолетия жениха и невесты, если не встречается иных препятствий к повенчанию...» [18].

К началу XX в. оседлое коренное население Охотского побережья в основном приобщилось к требованиям церкви. Сельские общества давали удостоверения своим членам, желающим вступить в брак об их совершеннолетии, православном вероисповедании, отсутствии родства и взаимном согласии. Эти документы являлись письменным обоснованием для составления брачного обыска. Так, например, Тауйским сельским обществом было выдано в 1911 г. соответ-

ствующее удостоверение инородцу этого селения Алексею Ивановичу Борисову, желающему вступить в первый законный брак с девицей Варварой Якушковой, об отсутствии препятствий к браку [4]. Подобные удостоверения давались от общества об отсутствии препятствий и ко второму браку [8]. Форма брачного обыска заполнялась священнослужителем, совершавшим обряд венчания, и являлась официальным документом. Обязательными для заполнения были следующие позиции в брачном обыске: имя жениха и невесты, место их жительства, наименование тунгусского рода, к которому они принадлежат, отметки о достижении ими совершеннолетия, отсутствии между женихом и невестой духовного или плотского родства, свойства, нахождении обоих в здравом уме, а также взаимное согласие на брак. Добровольность вступления в брак считалась важной, и с жениха и невесты брали дополнительные расписки о том, что в брак они вступают не по принуждению, а по взаимному согласию [3]. Подписи под брачным обыском ставили жених с невестой, а также их поручители, предупрежденные об ответственности за дачу ложных сведений по церковным правилам и гражданским законам. В церковных метрических книгах отмечалось, что брак совершается «с позволения старосты и родителей» [15]. Отличительной особенностью записей в метрических книгах церковных приходов Охотского побережья было то, что в них отсутствуют записи в пункте 7, обязательные в стандартном брачном обыске: «По троекратному оглашению, сделанному в означенной церкви в такой-то день, препятствия к сему браку никем не объявлено». Очевидно, что процедура предварительного оглашения в церкви информации о предстоящем браке, о женихе и невесте была, как правило, невозможной из-за кочевого образа жизни аборигенного населения.

Интересную информацию о церковных браках крещеного населения Севера дает анализ метрических книг. Мы использовали для анализа метрические книги Тауйской Покровской церкви, Гижигинской Спасской церкви, Ольской Богоявленской церкви, Ямской Благовещенской церкви, которые относились к Якутской духовной консистории. Метрические книги велись в каждом приходе и содержали записи о родившихся, крещеных, умерших и отпетых, венчавшихся в данном приходе.

В метрических книгах приходов Охотского побережья обязательно присутствует упоминание в записях о национальности вступающих в брак: тунгусы, коряки, юкагиры, из какого они рода, оседлые или кочевые. В записях об оседлых жителях используется формулировка: «местный житель оседлый тунгус» [5]. В метрических книгах есть специальный раздел «браки туземцев», в котором фиксировались браки нерусского крещеного населения.

В метрических книгах Ямской Благовещенской церкви много записей о вторичных браках, когда невестами были вдовы. Возраст вдов, повторно вступивших в брак, различный – от 18 до 45 лет. Возраст вступающих в первый брак – от 18 до 30 лет. Фиксировались этнически смешанные браки с указанием национальной принадлежности жениха и невесты: «тунгус и русская», «русский и корячка», «коряк и тунгуска».

Интересно, что поручителями и свидетелями при венчании могли выступать представители иных родов или этносов, чем жених и невеста. Так, в метрических книгах Гижигинской Спасской церкви за 1885 г. есть записи, что при вступлении в брак «кочующего чукчи, православного, 46 лет» и «кочующей чукоцкой дочери Екатерины 50 лет» поручителями выступили «корячки» [11]. При венчании в 1898 г. тунгуса 1 Долганского рода Никифора Кириллова 18 лет с дочерью тунгуса 1 Долганского рода девицей Мариной Прокопьевой поручителями по жениху были: тунгус 1 Уяганского рода Николай Стефанов, по невесте – тунгус 1 Уяганского рода Кирик Ильин [12].

Несмотря на формальный характер, христианизация повлияла на улучшение положения женщины-христианки северных народов. Во-первых, был регламентирован брачный возраст девушек. В документах XVIII-XIX вв. мы уже не обнаруживаем свидетельств браков с малолетними девочками, известных по другим источникам. Запрещалось колыбельное обручение и иные формы брачного сговора малолетних детей. Абсолютно запрещались многоженство и многомужество как отношения, не соответствующие христианской морали. Иногда, искореняя нехристианские обычаи, деятели церкви прибегали к помощи светской власти. Так, благочинный протоиерей Стефан Попов, проповедовавший среди тауйских и охотских эвенов во второй половине XIX в., писал охотскому земскому исправнику в 1852 г.: «Покорнейше прошу Ва-

ше высокоблагородие объявить всем тунгусам Охотского округа, что если кто из них отныне решится взять наложницу, то с таковыми будет поступлено не как с прелюбодееми, которые подвергаются по правилам церкви осемилетнему церковному покаянию, но как с двоеженцами, подверженными по закону лишению честного имени и ссылке на поселение. Благочинный протоиерей Стефан Попов» [Цит. по: 23, с. 141].

Кроме этого, процедура венчания в церкви требовала обязательного согласия на брак и жениха и невесты. Жесткое принуждение к браку девушек у коренных малочисленных народов Севера родителями не являлось широкой практикой и до христианизации, однако теперь государство и церковь четко регламентируют этот вопрос.

Литература

1. Алов А. А., Владимиров Н. Г. Православие в России. – М.: Институт наследия, 1995.
2. Врангель Ф. П. Путешествие по северным берегам Сибири и Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедицией под начальством флота лейтенанта Ф. П. Врангеля / под общ. ред. контр-адмирала Е. Шведе.-М.: Изд-во Главсевморпути, 1948.
3. ГАМО. Ф. Д-1, оп. 1, д. 5, л. 14, 14 об.
4. ГАМО. Ф. Д-1, оп. 1, д. 20, л. 20.
5. ГАМО. Ф. Д-1, оп. 1, д. 5, л. 55-180.
6. ГАМО. Ф. Д-1, оп. 1, д. 20, л. 37, 37 об., 38.
7. ГАМО. Ф. Д-24, оп. 1, д. 1, л. 10 об.
8. ГАМО. Ф. Д-3, оп. 1, д. 4.
9. ГАМО. Ф. Д-73, оп. 1, д. 11, д. 320-322.
10. ГАМО. Ф. Д-73, оп. 1, д. 12, л. 290-293.
11. ГАМО. Ф. Д-73, оп. 1, д. 14, л. 106.
12. ГАМО. Ф. Д-73, оп. 1, д. 15, л. 403.
13. ГАМО. Ф. Д-73, оп. 1, д. 15, л. 250-274.
14. ГАМО. Ф. Д-73, оп. 1, д. 2, л. 152, 153. д. 5, л. 23.
15. ГАМО. Ф. Д-73, оп. 1, д. 2, л. 130 об., 152-153.
16. ГАМО. Ф. Д-73, оп. 1, д. 2, л. 20-21.
17. ГАМО. Ф. Д-73, оп. 1, д. 12, л. 84.
18. ГАМО. Ф. Д-1, оп. 1, д. 14, л. 151.
19. Жуков Н. Н. Конфессиональная деятельность Русской православной церкви на территории севера Тихоокеанского региона России в XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. – Магадан, 2001.
20. Козлов А. Г. Колокола окраины российской // Магаданская правда-1996-12 авг.
21. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки: в 2-х т. Т. 2. – Петропавловск-Камчатский: Камчат, 1994.
22. Олсуфьев А. В. Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения с картою / сост. А. В. Олсуфьев // Записки Приамурского отдела РГО. Т. II. Вып. I. –

СПб: Типография Императорской Академии наук, 1896.

23. Полова У. Г. Эвены Магаданской области. Очерки истории, хозяйства и культуры эвенов Охотского побережья 1917-1977 гг. – М.: Наука, 1981.

24. Слюнин Н. В. Охотско-Камчатский край (с картой). Естественно-историческое описание. Т.1.–СПб.: Издание Министерства финансов, 1900.

25. Суворов Н. С. Учебник церковного права/

под ред. и с предисловием В. А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2004.

26. Хаховская Л.Н. Деятельность русской православной церкви на Охотском побережье. (XIX–начало XX в.) // Магадан: годы, события, люди: тез. докл. науч.-практ. конф., посвященной 60-летию г. Магадана, 15-16 июля 1999 г./ гл. ред. Н.Б. Карпенко. – Магадан: Кордис, 1999.

Е.Е. Тармаханов

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

Н.Н. Козьмин (1872-1938 гг.) – исследователь истории Бурятии и Сибири в целом

Статья посвящена профессору Иркутского госуниверситета Н.Н. Козьмину.

Е.Е. Tarmakhanov

N.N. Kozmin (1872-1938) – researcher of Buryatia and Siberia

The article is about creative way of famous explorer of the Buryat and Siberian history N.N. Kozmin, professor of the Irkutsk State University. N.N. Kozmin promoted the opening of Agricultural and Pedagogical institute. He was the first head of the Historical department in the Buryat Pedagogical institute. There he worked till 1934, giving lectures on the Siberian and Russian history.

Николай Николаевич Козьмин – профессор Иркутского государственного университета по кафедре истории Сибири, коренной сибиряк, родился в Красноярске в 1872 г. в семье учителя. Он был образованным человеком для своего времени, прекрасным педагогом и воспитателем. Он пользовался большим уважением не только в школе, но и среди населения своего района г. Красноярска. Рано ушел из жизни, оставив сына-подростка в 12-ти лет без должной материальной поддержки, но зато у сына осталась память об отце, трудолюбивом, справедливом, честном. После смерти отца Николай Козьмин учился и воспитывался за казенный счет. В то время с развитием всего народного хозяйства и культуры при быстром развитии капитализма не только вглубь, но и вширь нужны были кадры самых разных специальностей. Это был период бурного развития промышленности и культуры, в частности литературы, искусства и исторической науки в стране. В это время Николай Козьмин учился бесплатно в Иркутской гимназии. Здесь у него появился большой интерес к гуманитарным дисциплинам, особенно вопросам истории. Гимназию

Н. Козьмин окончил в 1891 г. с серебряной медалью. Неслучайно в этом же году он поступил на историческое отделение историко-филологического факультета прославленного Петербургского университета, где слушал лекции известных ученых-историков. Во время учебы в университете много работал над книгами, любимым местом для него была библиотека. В университете он получил навыки научно-исследовательской работы, прошел хорошую научную школу. Окончив в 1896 г. университет, он возвращается на родину в г. Красноярск, однако не смог найти работу по своей специальности и вынужден был устраиваться сотрудником Иркутского, позднее Енисейского землеустроительного учреждения. Работа была для него неинтересной, но на хлеб зарабатывал. Как бы тяжело ни было ему, он не забывал свою специальность, где бы ни был, он собирал материалы по истории Сибири и ее народов.

Н.Н.Козьмин, будучи студентом Петербургского университета и в последующие годы, разделял идею членов «Общества независимости Сибири», т.е. областников - «сепаратистов», которые мечтали об отделе-